

С. Протопопов

**Поучение Владимира
Мономаха, как памятник
религиозно-нравственных
воззрений и жизни на Руси в
до-татарскую эпоху**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С11

С11 **С. Протопопов**
Поучение Владимира Мономаха, как памятник религиозно-нравственных воззрений и жизни на Руси в до-татарскую эпоху / С. Протопопов – М.: Книга по Требованию, 2012. – 62 с.

ISBN 978-5-4241-8995-1

ISBN 978-5-4241-8995-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

гострастный и печальный азъ"—отнести къ посланію Олегу, такъ какъ тутъ сряду же проводится мысль о страшной отвѣтственности передъ судомъ Божиимъ за ненависть и нелюбовь къ братьямъ,—мысль, весьма умѣстная въ посланіи, написанномъ въ примирительномъ духѣ.

Теперь вопросъ въ томъ: когда написано Поученіе?

Въ самомъ Поученіи ученые изслѣдователи останавливались на слѣдующемъ мѣстѣ, ища здѣсь отвѣта на вопросъ о времени написанія: „Сѣдя на санѣхъ, помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дней грѣшнаго доправади“. Карамзинъ слишкомъ произвольно переводитъ, или лучше сказать, перефразируетъ это мѣсто: „Приближаясь ко гробу, благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ. Рука его довела меня до старости маститой“¹⁾. Основаніе для своей мысли о старости Мономаха Карамзинъ видитъ въ томъ, что Поученіе говоритъ о походѣ Мономаха на Ярослава, князя Владимірскаго, бывшемъ не ранѣе 1117 года, и слѣдовательно, по мнѣнію Карамзина, Мономаху было тогда не менѣе 65 лѣтъ отъ роду, то-есть, онъ находился въ преклонной старости. Шевыревъ также согласенъ съ Карамзинымъ. „Сидя на саняхъ“, говоритъ Шевыревъ, „писалъ это поученіе Владиміръ, и хвалилъ Бога за то, что онъ соблюлъ его до такихъ дней, слѣдовательно уже въ глубокой старости“²⁾. Онъ даже слово „на санѣхъ“ принимаетъ въ смыслѣ смертнаго одра, ссылаясь (стр. 245) на тѣ мѣста лѣтописей, въ которыхъ встрѣчается иногда извѣстіе, что больныхъ и покойниковъ послали на саняхъ. Но съ мнѣніемъ этихъ ученыхъ нельзя согласиться, потому что о старости въ подлинникѣ нѣтъ ни слова. Владиміръ благодаритъ Бога только за то, что онъ далъ ему возможность жить „до сихъ дней“, до сихъ поръ.

Но если не въ старости, то когда же Владиміръ написалъ свое поученіе?—Академикъ Погодинъ рѣшаетъ весьма обстоятельно этотъ вопросъ³⁾. Въ поученіи, въ самомъ началѣ его, такъ говорится: „да, дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся... аще ли кому не любя грамотиця си, а не поохритаются, но тако се рекуть: на *далечи пути*, да на санѣхъ сѣдя, безгѣплицю си молвилъ“. Изъ этихъ словъ видно, что Поученіе задумано Мономахомъ на дорогѣ. Далѣе изъ словъ: „усрѣтоша мя слы отъ братья

¹⁾ Ист. Гос. Росс., т. II, стр. 161.

²⁾ Ист. русск. слов. М. 1846 г.; стр. 191.

³⁾ Изв. II отд. Имп. Акад. Наукъ, т. X, стр. 234—244.

моея на Волгѣ, рѣша: „потѣсняся къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отънимемъ“, — видно, что дорога Мономаху шла по Волгѣ; а куда именно, то это несомнѣнно—въ Ростовъ, какъ ниже онъ самъ говоритъ: „се нынѣ иду Ростову“. Итакъ, Поученіе, говоритъ г. Погодинъ, задумано по дорогѣ въ Ростовъ, по поводу посольства братьевъ съ предложеніемъ объ изгнаніи Ростиславичей; написано же имъ вскорѣ по прибытіи въ этотъ городъ. Остается теперь отыскать время, когда братья-князья шли на Ростиславичей. Это случилось не во время великаго княженія Мономаха (1113—1125 гг.), потому что великому князю прочіе удѣльные князья не могли такъ сказать: „иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ“, какъ приводится въ Поученіи, и что ясно показываетъ равныя отношенія прочихъ князей къ Владимиру. Не могло это быть и при великомъ князѣ Киевскомъ Всеволодѣ (1078—1093 гг.), потому что онъ самъ далъ Ростиславичамъ волость. Остается только княженіе великаго князя Святополка (1093—1113 гг.), когда могло случиться это предпріятіе. Извѣстно, что на сѣздѣ 1097 года была утверждена за Ростиславичами ихъ волость, предоставленная имъ Всеволодомъ. Вскорѣ послѣ сѣзда случилось ослѣпленіе Василька Ростиславича по навету Давида Игоревича, что вызвало Мономаха заставить великаго князя Святополка отмстить Давиду войною. Святополкъ исполнилъ это; но въ 1099 году вдругъ вздумалъ онъ идти на Ростиславичей, получивъ отъ Святославичей на то согласіе; но всѣ вмѣстѣ хотѣли еще имѣть согласіе Мономаха, и послали къ нему пословъ (усрѣтоша мя слы отъ братья моего). Мономахъ отказался, такъ какъ ему горько было такое неожиданное нарушеніе всѣхъ обязательствъ. Отсюда ясно, по мнѣнію г. Погодина, что *моментъ сочиненія* Поученія былъ 1099 годъ, и съ этимъ нельзя не согласиться, взявъ во вниманіе вышеприведенную, весьма основательную аргументацію ученаго историка. Что же касается того обстоятельства: какимъ образомъ въ поученіе попало описаніе происшествій и послѣ 1099 года, даже позднѣйшихъ 1117—1118 годовъ, на основаніи чего Карамзинъ и перевелъ въ началѣ слова: „до сихъ дней“, въ смыслѣ—до старости маститой, то на описаніе этихъ происшествій г. Погодинъ смотритъ какъ на позднѣйшую вставку,—иначе, по его мнѣнію, нельзя объяснить: почему до 1099 года Мономахъ подробно описалъ всѣ свои дѣйствія, занявшія мѣсто четырехъ страницъ въ четверку, а собственное свое великое княженіе онъ разказалъ только въ четырехъ строкахъ. Мало того, происшествія этой вставки крайне пере-

путаны; во многихъ случаяхъ не замѣчается ни логической, ни грамматической связи. Если уже не отрицать окончательно подлинности описанія позднѣйшихъ событій, то нужно признать это по крайней мѣрѣ за дополненіе, сдѣланное въ послѣдствіи хотя и самимъ Мономахомъ, но испорченное, сокращенное тѣмъ или другимъ переписчикомъ—по какому-либо недоразумѣнію, но безъ умысла. Во всякомъ случаѣ подобная уступка не исключаетъ признанія того факта, что Поученіе первоначально сочинено въ 1099 году, а происшествія, бывшія послѣ 1099 года, очень могли быть вставлены или дополнены въ послѣдствіи самимъ Мономахомъ, который, придавая своему сочиненію характеръ руководства не только для своихъ собственныхъ дѣтей, но и для всѣхъ грамотныхъ людей своего времени, что видно изъ словъ его („...дѣти мои, или *иже кто*, слышавъ сю грамотицю“), счелъ нужнымъ прибавить для назиданія и о тѣхъ своихъ дѣлахъ, которыя онъ совершилъ послѣ первоначальнаго написанія Поученія въ 1099 году.

Письменными источниками и пособиями, служившими Мономаху при написаніи Поученія, были различные древніе сборники поученій, какъ самостоятельнаго русскаго происхожденія, такъ и перешедшіе изъ Болгаріи, или переведенные уже на Руси съ греческаго языка. Разсматривая Поученіе, нельзя не замѣтить, что Владиміръ, при всей своей огромной и неутомимой дѣятельности, какъ князь-защитникъ Русской земли отъ поганыхъ и какъ князь-примиритель внутреннихъ междоусобій и распрей прочихъ князей, находилъ все-таки время для чтенія этихъ назидательныхъ сочиненій, возбудившихъ въ немъ любовь къ истинно-христіанскимъ добродѣтелямъ. Богѣе подробныя указанія письменныхъ источниковъ, какіе имѣлъ подъ руками Мономахъ при составленіи своего произведенія, будутъ помѣщены ниже, при разборѣ самаго Поученія Мономаха. Но самымъ главнымъ и важнымъ источникомъ для Поученія служилъ Мономаху его собственный, истинно-христіанскій взглядъ на жизнь и житейскія отношенія и вообще весь его умственный складъ, такъ счастливо сложившійся подъ вліяніемъ въ высшей степени симпатическаго характера этого великаго человѣка. Читая его произведеніе, не знаешь, чему удивляться—высокости ли идей, высказанныхъ въ Поученіи, или величію характера, создавшего эти идеи? И то, и другое — одинаково прекрасно, такъ что прежде, чѣмъ разсматривать Поученіе, мы постараемся представить нравственныя особенности характера его сочинителя.

Лѣтописные разказы и отзывы о Владимірѣ Мономахѣ, посланіе Никифора, митрополита Кіевскаго, къ этому князю, и наконецъ, само Поученіе даютъ намъ возможность составить довольно цѣльное представленіе о характерѣ и образѣ жизни этого князя - христіанина. Посмотримъ сначала, какія черты характера Мономаха можно вывести изъ лѣтописныхъ разказовъ и отзывовъ о немъ.

Владиміръ Мономахъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Ростиславомъ, были въ Кіевѣ во время смерти и погребенія отца своего. Лѣтописецъ говоритъ, что Мономахъ сталъ размышлять: „аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отъ отца его былъ“. И размысливъ, послалъ за Святополкомъ въ Туровъ, самъ пошелъ въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ—въ Переяславль ¹⁾. Если Мономахъ единственнымъ препятствіемъ къ занятію Кіевскаго стола считалъ старшинство, права Святополка Изяславича, то ясно, что онъ не видалъ никакихъ другихъ препятствій, именно—былъ увѣренъ въ желаніи гражданъ Кіевскихъ имѣть его своимъ княземъ. Татищевъ прямо говоритъ, будто Кіевляне, послѣ смерти Всеволода, просили Владиміра занять Кіевскій столъ ²⁾. Безъ сомнѣнія, ужъ и тогда Мономахъ успѣлъ пріобрѣсть народную любовь, которою онъ такъ славенъ въ исторіи древней Руси. Онъ не воввышался надъ понятіями своего времени, не шелъ на перекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнять существующаго порядка вещей: онъ старался личными доблестями, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрывать недостатки существующаго порядка, сдѣлать его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ. Вотъ почему не рѣшился онъ, при всей легкости, нарушить существовавшій порядокъ престолонаслѣдія, хотя этотъ порядокъ былъ далеко неудовлетворителенъ. Русскому обществу того времени, взволнованному княжескими усобицами, нужно было, чтобы князь свято исполнялъ свои родственныя обязанности, не спорилъ съ братьями, мирилъ враждебныхъ родичей. Владиміръ считалъ какъ-бы своимъ призваніемъ—примирять родичей: миролюбіе было основною чертой его характера, такъ что онъ заслужилъ прованіе братолюбца ³⁾. Лѣтописецъ разказываетъ, какое сильное впечатлѣніе произвела на Владиміра вѣсть о звѣрскомъ поступкѣ

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 93.

²⁾ *Татищевъ*, Ист. Росс. т. II, стр. 146. М. 1773 года.

³⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. II, стр. 10.

Давыда Игоревича надъ Василькомъ. „Володимеръ же слышавъ, яко ять бысть Василько и слѣплень, ужасеся и всплакавъ и рече: сего не бывало есть въ русьскѣй земли ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцехъ нашихъ, сякаго зла“. Потомъ онъ послалъ сказать Давыду и Олегу Святославичамъ: „пойдемъ къ Городцю, чтобы исправить это зло.... да аще сего не правимъ, то большее зло встанеть въ насъ, и начнетъ братъ брата закалати, и погыбнетъ земля Руская...“¹⁾. Сколько искренней, неподдѣльной любви къ родной Русской землѣ и сколько сердечныхъ опасеній за будущность ея дышетъ въ этихъ словахъ Владиміра! Для людей благочестивыхъ Мономахъ былъ образцомъ благочестія. Лѣтописи весьма часто указываютъ на постоянное благочестивое настроеніе князя. „Даръ си отъ Бога прія“, говорится въ одномъ мѣстѣ лѣтописи,— „да егда въ церковь внидашеть и слыша пѣнье, и абы слезы испущашеть“²⁾. Въ 1116 году Глѣбъ Минскій не оказалъ должной покорности Владиміру, сопротивляясь приказаніямъ послѣдняго. Лѣтописецъ замѣчаетъ по этому поводу: „Володимеръ же, надѣяся на Бога и на правду“, самъ пошелъ къ Минску—наказать ослушника. Глѣбъ сталъ просить пощады. „Володимеръ же сжалися тѣмъ, оже проливашеться кровь въ дни постыныя великого поста, и вдасть ему миръ“³⁾. Какъ на похвальную черту въ характерѣ Мономаха, лѣтописецъ обращаетъ вниманіе на его уваженіе и почтеніе къ своимъ родителямъ. Свою маму Владиміръ „читашеть... отца ради своего, бѣ бо любимъ отцю своему новелику, и въ животѣ и по смерти не ослушаяся его ни въ чемъ же“⁴⁾. Но болѣе всего нравится лѣтописцу-иниоку то, что Владиміръ „чташе санъ святительскій“. Онъ, говоритъ лѣтописецъ, „любовь имѣя къ митрополитамъ и къ епископомъ и къ игуменомъ, наче же и чернечскій чинъ любя, и черницы любя, приходящя къ нему напиташе и шаяше“⁵⁾. Говоря о смерти Мономаха, всѣ лѣтописцы пользуются случаемъ высказать какую-нибудь похвалу князю, а Лаврентьевская, Ипатьевская и Воскресенская лѣтописи помѣщаютъ длинны панегирики его добродѣтелямъ. Вотъ отзывъ Лаврентьевской лѣтописи: „Представися благовѣрный и великій князь русскій Володимеръ... украшенный добрыми нравы, прослуживъ въ побѣдахъ, его имене тре-

¹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 111.

²⁾ Тамъ же, стр. 129.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 7.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 112.

⁵⁾ Тамъ же.

петаху вся страны и по всѣмъ землямъ изиде слухъ его: понеже убо онъ всею душею възлюбилъ Бога.... Се же чудный Володимерь потщася Божья хранити заповѣди, и Божьи страхъ присно имѣя въ сердца... добро творяще врагомъ своимъ, отпуща я одарени. Милостивъ же быше наче мѣры... тѣмъ и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующимъ и церкви зижа и украшая; чтяшетъ же излиха чернечский чинъ и поповскій, подавая имъ сже на потребу и прїимая отъ нихъ молитвы.... тѣмъ и Богъ вся прошенья его спершае и исполни лѣта его въ доброденствѣхъ¹⁾. Въ томъ же родѣ, только нѣсколько покороче, высказывается о Мономахѣ и Воскресенская лѣтопись²⁾. Пиатъевская лѣтопись произноситъ отзывъ о Мономахѣ болѣе съ государственной точки зрѣнїя. Онъ, по ея словамъ, „просвѣтилъ Рускую землю, акы солнце луча пуцая; его же слухъ произиде по всѣмъ странамъ, наипаче же бѣ страшень поганымъ“. Далѣе Владимерь характеристично называется „братолюбцемъ“, „нищелюбцемъ“ и „добрымъ страдальцемъ за Русскую землю“³⁾. Послѣднее выраженїе особенно живо говоритъ въ пользу Мономаха, какъ челоуѣка, посвятившаго себя всецѣло народному дѣлу. Добрый страдалецъ за родину—вотъ идеалъ древне-русскаго князя. Но это не одинъ только древне-русскій идеалъ: это—идеалъ общечеловѣческой. Вотъ главное значенїе Мономаха: онъ по своимъ достоинствамъ подходитъ подъ общечеловѣческой идеалъ государя, — всецѣло, до самоотверженїя преданнаго интересамъ своей страны. „Святители“, прибавляетъ лѣтописецъ, „жалеюще си плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людїе по немъ плакахуся, якоже дѣти по отцю... плакахуся... и сынове его... и внуци его; и тако разидошася вси людїе съ жалостїю великою... съ плачемъ великимъ“...⁴⁾. И дѣйствительно, было за чтѣ плакать по немъ, сокрушаться о его смерти. Такой высоконравственный и честный челоуѣкъ, такой мудрый и миролюбивый государь, каковъ былъ Мономахъ, государь, который несомнѣнно принесъ бы своими качествами большую пользу и въ лучшую пору народной жизни, тѣмъ болѣе имѣлъ важное значенїе въ ту темную эпоху жизни Руси, когда она была терзаема внутренними раздорами и распрями князей, и къ тому же постоянно подвергалась опасности отъ набѣговъ дикихъ степняковъ.

¹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. I, стр. 129.

²⁾ Тамъ же, т. VII, стр. 26.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 10.

⁴⁾ Тамъ же.

Кромѣ лѣтописцевъ, имѣеть большое значеніе для характеристики Владиміра Мономаха свидѣтельство о немъ одного его современника, митрополита Кіевскаго, Никифора († 1121 г.). До насъ дошло его посланіе къ Мономаху о постѣ и воздержаніи чувствъ ¹⁾. Тутъ видѣнъ и самъ достойный митрополитъ, съ его умомъ, образованіемъ и ревностію къ своему долгу; видѣнъ и достойнѣйшій князь, съ его высокими качествами человѣка-христіанина. Митрополитъ, обращаясь къ князю, называетъ его благовѣрнымъ, *человѣкомъ любивымъ и кроткимъ* ²⁾. Говоря о значеніи поста и о средствахъ къ удержанію чувственныхъ наклонностей, митрополитъ прибавляетъ: „Да что и говорить о воздержаніи такому князю, иже болѣ на земли спитъ и дому бѣгаетъ, и свѣтлое ношеніе портъ отгонитъ, и по лѣсомъ ходя, сиротину носить одежду“ ³⁾. Такой отзывъ о невзыскательности и неизмѣненности князя подтверждаетъ и самъ Мономахъ въ своемъ Поученіи: „Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла, на воинѣ и на ловлѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя“. Часто бывало, разказываетъ Никифоръ, что князь готовилъ великолѣпный обѣдъ для придворныхъ, а самъ прислуживалъ за столомъ ⁴⁾. Другіе обѣдаются и упиваются, а князь „маломъ вкушеніемъ и малою водою“ довольствуется ⁵⁾. По словамъ Никифора, Владиміръ весьма сострадательнъ и добръ къ бѣднымъ: „То рука твои по Вожиіи благодати ко всѣмъ простирается“ ⁶⁾. Князь не корыстолюбивъ, не собираетъ сокровищъ, а напротивъ, раздаетъ полною рукою то, что имѣеть: „Николиже ти съ кровнице положено бысть, ли злато, ли сребро ищѣтено бысть, но вся раздавая и обѣма руками истоцая даже и доселѣ“ ⁷⁾.

Можно было бы подумать, что такой отзывъ митрополита о князѣ, обращенный лично къ нему, есть не что иное, какъ льстивое слово власти имѣющему, изъ корыстныхъ видовъ. Но за правдивость отзыва ручается сама личность Никифора. Правда, лѣтописи не даютъ намъ

¹⁾ «Посланіе Никифора, митрополита Кіевскаго къ великому князю Володиміру, сыну Всеволодою, сына Ярославля», напеч. въ Русск. Достопамят. т. I, стр. 61 — 75.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 67.

³⁾ Тамъ же, стр. 68.

⁴⁾ «И самъ убо служиши и стражши руками своимъ», см. тамъ же, стр. 69.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ Тамъ же.

никакихъ свѣдѣній о жизни его, исключая краткаго исчисленія епископовъ, поставленныхъ этимъ митрополитомъ въ разные русскіе города. Но въ этомъ случаѣ приписываемыя ему четыре посланія и поученіе въ недѣлю сыропустную живо свидѣтельствуютъ о немъ, какъ о пастырѣ въ высшей степени честномъ, просвѣщенномъ, заботящемся о спасеніи вѣрющихъ ему душъ и ревностномъ къ охраненію православія. Для подтвержденія своихъ похвалъ, митрополитъ прямо передъ всѣми заявляетъ, что только невѣжда или безчувственный человѣкъ не знаетъ о достоинствахъ Мономаха: „Невѣжда или нечувственный не разумѣетъ ихъ.... И видятъ вси и чюдятся“¹⁾, прибавляетъ онъ; значить, дѣйствительно выдавались изъ ряду вонъ прекрасныя качества Мономаха, если митрополитъ рѣшился сослаться на всѣхъ знавшихъ князя, что всѣ удивляются ему.

Обращаясь къ Поученію самого Владиміра Мономаха, мы видимъ, что оно, подтверждая отзывы лѣтописцевъ и митрополита Никифора о князѣ, въ то же время свидѣтельствуетъ, что та глубокая практическая мудрость, которая сквозитъ въ каждой строкѣ Поученія, вынесена авторомъ изъ своего личнаго опыта, изъ своей многоплодной дѣятельности. Послѣднее обстоятельство засвидѣтельствовано особенно увѣренностію въ рѣчи и твердостію въ словахъ, чѣмъ проникнуто все Поученіе отъ начала до конца.

Народъ терпѣлъ большое бѣдствіе при другихъ князьяхъ отъ того, что до него рѣдко доходила „княжая правда“. Тіуны и княжескіе отроки немилосердно грабили народъ, тайно отъ князя. Мономахъ обратилъ на это вниманіе. Онъ не давалъ сильнымъ обижать „ни худаго смерда, ни убогой вдовицы“, а большею частію самъ „оправливалъ“²⁾ людей. При грубости и несдержанности тогдашнихъ правовъ, люди сильные не любили сдерживать своего гнѣва, при чемъ человѣкъ, особенно подначальный или какимъ-либо образомъ зависимый, имѣвшій несчастье подвергнуться гнѣву такихъ людей, часто платился своею жизнію! Мономахъ въ своей судебной практикѣ держался правила—не предавать смерти ни праваго, ни виноватаго, чтобы когда-либо по ошибкѣ не загубить души христіанской. „Ни права, ни крива не убивай, ни повелѣвайте убити его“, совѣтовалъ онъ дѣтямъ своимъ. Другіе князья не любили сдерживать своихъ чувственныхъ

¹⁾ Русск. Достоп., т. I, стр. 63.

²⁾ Замѣчательно, что на языкѣ Мономаха слово «оправливать»—оправдывать, равнозначуще понятію — судить.

инстинктовъ и часто открыто предавались пьянству и крайнему разврату. Владиміръ былъ врагъ невоздержанія и отличался цѣломудріемъ, что мы еще раньше видѣли изъ отзывовъ лѣтописцевъ и митрополита Никифора. „Влудитесь“, усовѣщевалъ онъ своихъ дѣтей,— „пьянства и блуда, въ томъ бо душа погыбаетъ и тѣло“. Въ словахъ его: „куда пойдете, гдѣ станете, напойте, накормите бѣдняка“, видѣнъ все тотъ же безкорыстный и щедрый Мономахъ, какимъ мы его уже знаемъ. Въ тотъ вѣкъ народной юности богатырскіе подвиги Мономаха и его изумительная дѣятельность возбуждали къ нему особенное сочувствіе въ народѣ. По его словамъ, онъ большую часть жизни провелъ внѣ дома, большую часть ночей спалъ на сырой землѣ. Однихъ дальнихъ путешествій совершилъ онъ 83, не давалъ себѣ покою, ни днемъ, ни ночью, когда былъ въ дорогѣ, на войнѣ или на охотѣ. До свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ въ церковь, потомъ думалъ съ дружиною, судилъ людей; въ полдень ложился спать и потомъ снова начиналъ ту же дѣятельность. Съ ранней молодости стоялъ онъ на сторожѣ Русской земли, бился за нее съ поганями, за что, надобно замѣтить, онъ и пріобрѣлъ имя добраго страдальца за Русскую землю. При всей этой огромной и изумительной дѣятельности, которая не давала ему покоя, Мономахъ постоянно помнилъ о Богѣ: онъ часто, по ночамъ, вставалъ, чтобы молиться, сокрушаться о грѣхахъ и власть земные поклонны; мало того, — даже сидѣлъ на копѣ, онъ постоянно твердилъ молитвы и совѣтовалъ своимъ дѣтямъ, если они не знаютъ большой молитвы, то по крайней мѣрѣ, твердили бы втайнѣ безпрестанно: „Господи помилуй!“ „Все лучше“, прибавляетъ онъ, „нежели мыслити безлѣпцю“..

Можно было бы много характеристическихъ чертъ Мономаха вывести изъ его Поученія; но вполне законченный, нравственный образъ этого великаго человѣка, надѣмся, не трудно будетъ составить на основаніи предлагаемаго ниже разбора глубоко прочувствованнаго и продуманнаго его произведенія. Для нашей цѣли было пока достаточно—намѣтить самыя яркія особенности нравственнаго характера автора Поученія и чрезъ то показать, что произведеніе вполне достойно своего творца, а слѣдовательно, вѣтъ и быть уже не можетъ никакого повода къ сомнѣнію относительно Мономаха, какъ автора Поученія. Переходимъ теперь къ внѣшнему виду послѣдняго.

Поученіе Владиміра Мономаха написано въ формѣ заговѣщанія, обращеннаго преимущественно къ дѣтямъ его, хотя авторъ, какъ уже замѣчено было выше, имѣлъ въ виду и постороннихъ читателей, что

видно изъ его же собственныхъ словъ (дѣти мои, или *имъ кто*, слышавъ сю грамотицю...). Завѣщанія отца своимъ дѣтямъ — какъ должно жить праведно и благоразумно, были въ обычай древней жизни на Руси. Въ древнихъ сборникахъ отеческихъ сочиненій, весьма распространенныхъ въ старину, встрѣчается много подобныхъ завѣщаній, съ различными названіями, напримѣръ, такими: слово нѣкоего отца къ сыну, слово душеполезно, или просто поученіе дѣтямъ. Сюда же относятся слова и поученія, избранныя отъ святыхъ отецъ, како жити крестьяномъ, или какъ они называются иногда — слова о крестьянствѣ, о житіи христіанскомъ, содержаніе которыхъ, по характеру, сходно съ поученіями, подписываемыми: „къ дѣтямъ“. Во всѣхъ этихъ поученіяхъ находятся „наказанія“, наставленія во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, и такимъ образомъ они, уже самою формою, близко подходят къ наставленіямъ Мономахова Поученія. Общее содержаніе ихъ составляютъ наставленія о хожденіи въ церковь и поведеніи во время церковной службы, о домашней молитвѣ, о воспитаніи дѣтей, о почитаніи дѣтьми своихъ родителей, о содержаніи слугъ, о воздержаніи отъ лихоимства, о трезвости и т. п. Слова Мономаха, обращенныя къ дѣтямъ, въ которыхъ онъ указываетъ на характеръ своего Поученія; „се отъ худаго моего безумья наказанье; послушайте мене, аще не всего примете, то половину“ — сходны съ обращеніями въ другихъ подобныхъ поученіяхъ. „Сыну мой, члдо мое“, говорится въ „Словѣ нѣкоего отца къ сыну“, — „приклони ухо твое и послушай отца своего, совѣтующаго ти спасенная“¹⁾. Въ концѣ своего Поученія Мономахъ говоритъ о себѣ: „Еже было творити отроку моему, то самъ есмь сѣтворилъ дѣла, на воинѣ и на ловлѣхъ, ночь и день, на зноу и на зимѣ, не дая себѣ упокоя. Тоже и худаго смерда и убогнѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ“. Въ этихъ словахъ, Мономахъ въ собственномъ своемъ поведеніи хотѣлъ указать хорошей примѣръ своимъ дѣтямъ, для которыхъ онъ, по праву отца, могъ всегда служить примѣромъ. Въ такомъ же родѣ написано все поученіе какого-то Ксенофонта, „еже глагола къ сынома своимъ“. „Вѣста“, пишетъ Ксенофонтъ, обращался къ дѣтямъ, — „како въ житии семь жихъ безъ лоуки, како отъ всѣхъ чыстнѣ бѣхъ и любимъ... не укорихъ никого же... не оставихъ церкви божия вечеръ, ни заутра, ни полоудис; не прѣзрѣхъ ништинихъ, ни оставихъ стральпа“ и т. д.

¹⁾ Изъ Златой Цѣпи, см. Истор. Христ. Буслеева. М. 1861, стр. 482.